

Хань Цзыяо промолчал. Вместо него фыркнул Чжоу Баюй, развалившийся на другом конце дивана:

— Да неужели? У меня что, галлюцинации, или мне правда слышался голос моего навязанного братца?

— Ли Чжи? — Хань Цзыяо нахмурился и, отложив неоконченную игру, швырнул телефон на диван. — Какого черта ему надо? И вообще, откуда он знает, где ты живешь?

— А это еще что такое? — Чжоу Баюй, всегда готовый подлить масла в огонь, скрестил руки на груди и кивнул на пакет, валявшийся в мусорной корзине.

Чу Минчжан бросил мимолетный взгляд на ведро и ответил лаконично:

— Одежда.

— Твоя?.. — Хань Цзыяо округлил глаза, будто в его голове мгновенно сложился пазл, и почти вскрикнул: — Ты одолжил ему свои вещи? Охренеть, Чу Минчжан, ты-то когда успел заделаться гребаным альтруистом?

— Когда это вообще было? Неужели в тот день, когда...

Хань Цзыяо осенило. Всё, что не давало ему покоя последнюю неделю, наконец разложилось по полочкам.

В спортзале для бадминтона висели камеры. Ремонт там еще не закончился, но система наблюдения уже работала — и Хань Цзыяо прекрасно об этом знал, когда вел туда Ван Кайсюаня и остальных. Впрочем, его это не волновало: доступ к записям в школе имели лишь единицы, и все они были детьми членов совета директоров. Свои люди.

Но когда разразился скандал, Хань Цзыяо искусал себе локти, подозревая каждого из своего круга. Он даже грешным делом подумал, что Чжоу Баюй внезапно замучила совесть и тот решил заступиться за презируемого им родственника.

Однако в страшном сне он не мог представить, что благородством восплает вовсе не Баюй, а Чу Минчжан.

Они часто зависали втроем, но Хань Цзыяо никогда не был близок с Чу Минчжаном так, как с Чжоу Баюем. Если выражаться мягко, между ними всегда стояла невидимая стена, и Минчжан казался ему совершенно непроницаемым. Если же называть вещи своими именами, Цзыяо считал, что тот просто гребанный позер, который вечно строит из себя недостижимого гения.

— Твою мать, — процедил Хань Цзыяо, закипая от злости.

После того отстранения от занятий его жизнь превратилась в ад: дома родители устроили ему форменную головомойку, а потом отец лично приволок его в особняк Чжоу — заставил ползать на коленях и вымаливать прощение.

Дядя Чжоу, обычно благосклонный к нему, впервые выказал холодное презрение. Зато эта сучка Ван Сяочунь — любовница, прибравшая к рукам чужую семью, — сияла своей дежурной приторной улыбочкой. Она даже лично нарезала фрукты и принесла тарелку гостям.

— Сяо Хань ведь не хотел ничего плохого, его просто подставили, — ворковала тогда Ван Сяочунь. — Да и вообще, во всем виноват этот паршивец из семьи Ван. Все уже в прошлом, не стоит из-за этой глупости портить отношения между нашими семьями.

Ее слова звучали на редкость благородно и великодушно, но у Хань Цзыяо от этой патоки кожа пошла мурашками. Случись такое с его собственным сыном, он бы виновнику глотку перегрыз, а не любезничал. Эта баба была насквозь фальшивой.

Но самое паршивое, что эту фальшь видел и он, и его ушлый отец, собаку съевший на лицемерии высшего света. Все, кроме дяди Чжоу. Хань Цзыяо до сих пор помнил, как просветлело лицо Чжоу Госюна, стоило этой змее замолчать.

У него на лбу сияла надпись огромными буквами:

«Бедная моя, сколько же тебе приходится терпеть из-за меня»

Все эти несколько часов Хань Цзыяо чувствовал себя так, словно его посадили на раскаленные угли, а по спине legionами ползали муравьи.

А спустя пару дней из-за океана пришла весть о внезапной смерти Ван Кайсюаня. Темная история, официальная версия — пьяное ДТП, но... несчастный случай это или чей-то холодный расчет, черт его разберет.

Подобного дерьма в их кругах хватало, и Хань Цзыяо почувствовал, как к горлу подкатывает ледяной липкий страх. Он резко вскочил, с размаху пнув тяжелый журнальный столик:

— Чу Минчжан, ты совсем из ума выжил?! Каким боком тебе сдался этот нищелюб Ли Чжи? Какого хера ты ради него подставляешься?!

— Эй, полегче! — Чжоу Баюй вздрогнул от грохота. Он покосился на сидевшего рядом Чу Минчжана и дернул Хань Цзыяо за край футболки. — Остынь! Ты чего творишь? Охренел совсем?

— Да плевать мне! — крикнул Хань Цзыяо, окончательно теряя контроль. — У меня уже из ушей пар идет, я больше не намерен молчать! — Он ткнул пальцем в сторону Минчжана. — Ты меня, сука, задолбал уже! Вечно ходишь с таким лицом, будто ты выше всего этого дерьма. Сколько лет я тебя знаю, а и подумать не мог, что ты у нас, оказывается, такой жалостливый!

— Мать твою, завали ебало... — прошипел Баюй.

— А ты, я гляжу, сегодня чересчур вспылчив, — Чу Минчжан лениво поднял глаза. На фоне багрового от ярости лица друга его собственное лицо оставалось безупречно спокойным, как застывшая гладь озера. — И ты прав, я терпеть не могу совать нос в чужие дела.

— Мне просто не нравился Ван Кайсюань. Вот и всё, — ровным тоном закончил Минчжан.

Хань Цзыяо почувствовал себя идиотом, который с разбегу ударил кулаком по подушке — никакого сопротивления, только глухой шлепок. Злость застряла в горле комом.

— Но даже если так... ты не имел права подставлять...

— Имел, — Чу Минчжан вальяжно откинулся на спинку кресла. — Он меня раздражал, и я решил немного подпортить ему жизнь. — Он равнодушно пожал плечами. — Спиши это на то, что мне было нечем заняться.

Минчжану было скучно. И от скуки он раздавил человека, который вызывал у него глухое раздражение. Ровно так же, как сам Ван Кайсюань когда-то издевался над Ли Чжи просто потому, что тот ему не нравился. В этой пищевой цепочке Ли Чжи для Кайсюаня был жалкой букашкой, но и сам Кайсюань для Чу Минчжана оставался лишь ничтожным насекомым, которого можно прихлопнуть походя.

— Ну а то, что зацепило тебя... Что ж, максимум, на что ты можешь рассчитывать — это мое «извини», — Минчжан устроился поудобнее. — Хотя, признаем честно, невинной овечкой ты здесь тоже не был.

Раздался оглушительный грохот — это разъяренный Хань Цзыяо с силой хлопнул дверью, вылетев на лестничную площадку.

— Жестко ты его приложил, — Чжоу Баюй поднялся на ноги, подошел к Чу Минчжану и примиряюще похлопал его по плечу. — Как ни крути, мы друзья. С песочницы вместе. Не стоит собачиться из-за посторонних людей и рушить то, что строилось годами.

В словах Баюя крылся двойной смысл. Минчжан, будучи далеко не дураком, уловил намек. На долю секунды между его бровей пролегла глубокая складка, но тут же разгладилась — так быстро, что могла показаться обманом зрения.

— Пустяки всё это. Ты же не со зла, а он просто вспылil. Утро вечера мудренее. Завтра после уроков выберемся куда-нибудь, развеемся, и забудем об этом. Договорились?

Чу Минчжан промолчал, что сошло за знак согласия.

Чжоу Баюй убрал руку с его плеча, лениво потянулся всем телом и направился к выходу:

— Ну, бывай, я тоже пойду.

У самой двери он замер и, обернувшись, как-то странно, двусмысленно усмехнулся:

— Слушай, есть тут одна деталь... Дурацкий вопрос, не бери в голову. Просто любопытно стало.

— Если ты просто хотел слегка пощекотать ему нервы... зачем было заходить настолько далеко?

Взгляд Баюя будто бы невзначай скользнул по мусорной корзине, где лежал пакет с вещами Ли Чжи.

— Ладно, сплшемся.

Щелкнул дверной замок. Чу Минчжан прикрыл глаза, пряча глубоко в душе подступившую к горлу тошнотворную досаду.

— Пожалуйста, умоляю тебя, перестань бегать за Чу Минчжаном, — взмолилась Гун Цзе, когда Ли Чжи в очередной раз, сверившись с часами, крепко сжал в ладони запотевшую бутылку ледяной воды и приготовился со всех ног нестись к баскетбольной площадке.

— Ты в последнее время будто одержимый, — раздраженно продолжала подруга, указывая на идеально чистую классную доску. — То дежуришь вместо него и до блеска натираешь эту доску, то воду ему таскаешь... Ты же каждый день буквально пожираешь его глазами! Ну нельзя же так откровенно навязываться!

— Раньше ты даже подойти к нему боялся, слова вымолвить не мог! А стоило один раз вернуть дурацкую куртку — и тебя словно подменили. Ты теперь готов на каждом углу кричать о своих чувствах!

Слова подруги заставили Ли Чжи застыть на месте. Он мгновенно покраснел до кончиков ушей.

— Да о каких... каких чувствах ты говоришь? Не выдумывай глупостей...

Гун Цзе картинно закатила глаза:

— О каких? Серьезно, Ли Чжи? Будто ты сам не понимаешь! Мне что, нужно произнести это вслух? Ты ведь прекрасно знаешь, что это...

— Это просто восхищение! — торопливо перебил ее Ли Чжи. От волнения он так сильно сжал пластиковую бутылку, что та жалобно хрустнула под его пальцами. — Да... Я просто восхищаюсь им. И благодарен за помощь. Больше ничего.

Он опустил голову и уже едва слышно, словно убеждая самого себя, повторил:

— Больше ничего.

Гун Цзе обреченно махнула рукой, понимая, что спорить бесполезно:

— Ладно, как скажешь...

— Смотри только, не принеси эту бутылку обратно, — поддразнила она его на прощание.

Ли Чжи действительно пытался пробиться к нему со своей водой уже не раз и не два. Но стоило ему подойти к баскетбольной площадке и оказаться в кольце хорошеньких старшеклассниц, как его охватывала паника. Смутившись, он трусливо разворачивался и сбегал.

«Опять зря бегал», — вздыхала в таких случаях Гун Цзе.

Сегодня Ли Чжи твердо пообещал себе не отступать. От безумного волнения ладони его вспотели, и ледяная кола в бутылке уже успела нагреться. Конденсат крупными каплями стекал по пальцам, бесшумно срываясь на асфальт.

Вообще-то у самой площадки стояли холодильники с бесплатной минералкой, доступной круглые сутки, но влюбленных девчонок это не останавливало. Забота о чужой жажде была лишь предлогом — всем хотелось лично подойти к тем, в кого они были тайно влюблены.

Главными звездами школы, разумеется, оставались Хань Цзыяо и Чжоу Баюй. Высокие, привлекательные парни из влиятельных семей — им достаточно было просто появиться, чтобы девичьи сердца начинали биться чаще.

Едва они покидали площадку, как их тут же обступала толпа восторженных красавиц. Баловни

судьбы, они и без того привыкли быть в центре внимания, но обожание сверстниц превращало их в настоящих королей школы.

Порой Ли Чжи ловил себя на глупой, бессильной зависти.

«Вот бы и мне стать хоть немного похожим на них»

Единственным утешением служило то, что возле Чу Минчжана никогда не было толпы. Точнее, к нему вообще никто не решался подойти.

Дело было вовсе не в том, что Минчжан уступал приятелям в привлекательности. Скорее наоборот: когда они стояли вдвоем, именно он перетягивал на себя всё внимание. В его облике сквозило нечто такое, что заставляло девичьи сердца замирать в сладком предвкушении.

Но его характер... Минчжан был не просто холоден — он напоминал неприступный ледник, надежно укрытый от внешнего мира. Все знали: растопить эту ледяную глыбу невозможно, и любые попытки привлечь его внимание обречены на провал.

Но Ли Чжи не строил далеко идущих планов. Ему хватало малого: просто перебраться с Минчжаном парой слов, чтобы потом весь день ходить абсолютно счастливым.

Парни на площадке закончили игру и двинулись к выходу. Ли Чжи изо всех сил подавил желание развернуться и броситься наутек. Бутылка в его руках снова жалобно затрещала, а навстречу ему уже раздавались уверенные, приближающиеся шаги.

Ли Чжи робко поднял взгляд. Чу Минчжан шел прямо на него, глядя строго перед собой. Понимая, что упускает момент, Ли Чжи затаил дыхание и тихо позвал:

— Минчжан...

И тут же, испугавшись собственной несмелости, добавил громче:

— Чу Минчжан!

Тот остановился и неторопливо обернулся:

— Что случилось?

— Я... — Ли Чжи судорожно сглотнул и протянул ему несчастную, уже теплую бутылку колы.
— Вот, это тебе. Попить принес.

Чу Минчжан равнодушно опустил взгляд на его руку, а затем едва заметно кивнул в сторону холодильников с бесплатной водой. Этот жест красноречивее любых слов говорил: «Мне это не нужно».

— Я не пью газировку. И больше не нужно этого делать, — холодно произнес он, не обращая внимания на то, как побледнел и сжался Ли Чжи от его резких слов. — Это лишнее.

«Лишнее». Не нужно приходить на его тренировки, караулить у входа с бутылками, стирать за него с доски пыль и пытаться заслужить его одобрение.

Всё, что делал Ли Чжи, было Минчжану безразлично.

Чу Минчжан зашагал дальше, даже не обернувшись. Тяжелый груз, который Ли Чжи так долго носил в себе, внезапно исчез, оставив после себя лишь звенящую пустоту и растерянность.

Он стоял посреди коридора, оглушенный собственным позором, и даже не заметил, как кто-то подошел со спины. Опомнился Ли Чжи лишь тогда, когда бутылку бесцеремонно вырвали у него из пальцев. Он поднял голову и обомлел: перед ним стоял Хань Цзыяо.

Тот открутил крышку, сделал один глоток и тут же брезгливо поморщился:

— Блядь, какая гадость. Она же теплая.

С этими словами он небрежно швырнул бутылку через плечо. Темно-коричневая шипящая лужа растеклась по светлому полу, но Хань Цзыяо даже не взглянул на нее. Он шагнул ближе к Ли Чжи, и на его лице расплылась ядовитая улыбка:

— Давненько не виделись.

— Ну привет... вы-ро-док, — вкрадчиво прошептал он прямо на ухо застывшему парню. Его голос так ласково журчал, что от этого контраста становилось не по себе.

— Ты чего так вылупился? Я же тебя пальцем не тронул.

Ли Чжи сковал парализующий, первобытный страх. Из спортзала уже разошлись последние ученики, и они остались совершенно одни. Даже Чжоу Баюй куда-то испарился — ушел со своей новой пассивностью.

— Я... я ничего тебе не сделал, — пролепетал Ли Чжи, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Он осторожно попятился, выискивая путь к спасительному выходу, но Хань Цзыяо среагировал

мгновенно. Он резко выбросил ногу вперед и с грохотом захлопнул металлическую сетчатую дверь площадки, отрезая путь к отступлению.

— Куда это ты намылился?

— Да расслабься ты, — протянул Хань Цзыяо, вальяжно прислонившись к перегородке. — Я же сказал: бить тебя никто не собирается.

— Просто поболтаем. Надеюсь, ты окажешь мне такую честь и не станешь строить из себя недотрогу?

<http://bllate.org/book/20441/2131618>